

Есенин С.

12.10.90

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

«НЕРАЗЛИВНЫЕ ДРУЗЬЯ»

Марина ЦВЕТАЕВА:

Леня для меня слишком хрупок, нежен... цветок. Старинный томик «Медного всадника» держит в руке — как цветок, слегка отставив руку — саму, как цветок. Что можно сделать такими руками?..

...Леня, Есенин. Неразрывные, неразливные друзья. В их лице, в столь разительно-разных лицах их сошлись, слились две расы, два класса, два мира. Сошлись — через все и вся — поэты.

Леня ездил к Есенину в деревню, Есенин в Петербурге от Лени не выходил. Так и вижу их две сдвинутые головы — на гостинной банкетке, в хорошую мальчишескую обнимку, сразу превращающую банкетку в школьную парту... Ленина черная головная гладь, Есенинская сплошная кудря, курча, Есенинские васильки, Ленины карие миндалины. Приятно, когда обратнo — и так близко. Удовлетворение, как от редкой и полной рифмы.

После Лени осталась книжеч-

ка стихов — таких простых, что у меня сердце сжалось, как я ничего не поняла в этом эстете, как этой внешности — поверила.

Леня, Леонид Каннегисер... До последнего времени это имя почти не упоминалось вообще, а не только в связи с Есениным. А фото, публикуемое сегодня в «Литературной России», в наших изданиях (и даже в 40-м номере «свободной трибуны писателей» — «Литературной газете») воспроизводилось в урезанном виде: дано

лишь изображение Есенина. Все это было потому, что Леонид Каннегисер (а именно он сидит рядом с Есениным) в 1918 году убил Урицкого.

Строки М. Цветаевой из отклика на смерть Михаила Куз-

мина «Нездешний вечер», послужившие подписью к публикуемому впервые в нашей стране снимку, написаны в Париже в 1936 году.

Ю. ЮШКИН